

*Я должен был чаще тебе это говорить,
поэтому говорю при всех, кто открывает эту книгу:
я люблю тебя, папа*

Кадровое обеспечение подобных школ было организовано таким образом, что почти всегда на работу поступали молодые девушки в расцвете сил, выдержавшие строгий конкурсный отбор. Их молодость и, соответственно, неопытность, непонимание происходящего, отсутствие элементарного бытового комфорта, а главное, глубочайшее одиночество, в котором они жили, потрясли меня до глубины души.

Хулия Гарсия Фернандес-Кастаньон.

Дневник сельской учительницы (1955)

Внимание, с которым необходимо подходить к вопросам образования, имеющим огромное значение для прогресса населения, не обеспечит желаемых результатов, если предварительно не будет проведена чистка педагогических кадров — ведь на них возложена важная миссия.

*Декрет №66 от 8 ноября 1936 года,
официальный бюллетень франкистского государства*

Комиссия по чистке в области начального образования Севильи, май 1939 года

На самом деле мы не раз успеваем умереть до того, как приходит наш последний час. Беспокойная мысль о неисправимом зле, задержавшийся в гардеробе траур, ложные границы «никогда» и «ни за что».

Все это убивает нас капля за каплей.

— Сеньорита Эулалия Моралес?

Палачи — трое мужчин. Только один из них — тот, что слева, — смотрит на нее хоть с какой-то доброжелательностью, стеклянной и хрупкой. Она стоит и разглядывает его: тонкие усики, аккуратная прическа — вид человека, каждое утро совершающего свой туалет со скрупулезностью маркиза. «Возможно, он и вправду дворянин: маркиз или граф», — думает Лали, стоя перед ними, подобно жене Лота, которая вот-вот обратится в соляной столп.

— Да, это я, — кивает она.

Вопрос задавал тот, что сидит в центре стола, — хмурый, с орлиным профилем, с сигаретой, покачивающейся на нижней губе, — это председатель комиссии по чистке, чья подпись, прыгающая, словно ореховая скорлупка на волнах, скрепляет список предъявленных ей необоснованных претензий.

ПЕРЕЧЕНЬ ОБВИНЕНИЙ, предъявляемых Комиссией D по чистке народной учительнице Эулалии Моралес Роман, подлежащий ответу в безотлагательный срок в 10 календарных дней:

- 1) открытая антирелигиозность;
- 2) сочувствие партиям так называемого Народного фронта;
- 3) неприязненное отношение к Национальному движению.

Севилья, 29 ноября 1937 года (II Триумфальный год)

Председатель

Ей не понадобилось десяти дней. Она за два дня составила детальный и обоснованный ответ, письменное ходатайство на несколько десятков страниц, где аккуратным почерком выпускницы католической школы написала о своем религиозном образовании, об уважении к закону, каким бы он ни был, о своей любви к преподаванию.

— Вам известно, почему вы здесь? — строго спрашивает председатель комиссии.

Она не отвечает. Краем глаза она смотрит на того, что сидит справа. Он курит сигарету и со скучающим видом листает десятки страниц ее дела о чистке, рукописных и машинописных, словно рассекающих Лали сверху донизу, как тело на вскрытии.

Она пыталась, но так и не смогла выяснить, кто давал показания против нее, кто был осведомителем, когда комиссия

по чистке изучала ее деятельность на посту учительницы. В большинстве случаев сведения таких осведомителей выеденного яйца не стоят: сплетни, домыслы, «кто-то говорил», «где-то слышал». Она полагает, что в их числе наверняка был дон Сатурнино, приходский священник. Возможно, еще Пури и Хавьер — с этими родителями учеников у нее случались разногласия до того, как война обрушилась молотом на Сьерра-де-Кадис.

Все-таки она надеялась, что среди этих свидетельств найдутся имена многих других отцов и матерей, тех, кто, как Конча, Мерчи или Марсиаль, поделил с ней много радостей, когда она начала работать учительницей. Жажда знаний на лицах ребят; каракули тех, кто только учится писать; звонкие голоски, читающие стихи Мачадо; общие собрания; математические задачки, в которых требовалось складывать или вычитать площади полей; постановки пьес; осенние прогулки за опавшими листьями... Все, во что она вложила душу, ради того чтобы дети крестьян, пахарей, бедняков получили хотя бы один шанс.

Но она знает, что этих родителей никто не опрашивал.
— Отвечайте, когда вам задают вопрос, сеньорита.

Трое мужчин смотрят на нее, их взгляды словно образуют траекторию кометы. Лали поспешно извиняется: «Да, прошу прощения». Затем тот, что справа, передает дело председателю, который с таким же ленивым видом, без интереса его пролистывает.

Между ними пляшет табачный дым, извивается и тает на фоне белой стены, с которой, как с алтаря, смотрят вниз портреты Франко и Хосе Антонио Примо де Риверы.

— Комиссия готова огласить решение по вашему делу о чистке, сеньорита, — объявляет ей председатель низким простуженным голосом.

Лали поднимает взгляд на всех мужчин: на троих членов комиссии и на тех, что застыли в рамах, на Франко и на Примо де Риверу.

— Вы готовы? — спрашивает тот, что с усиками, единственный, кто посмотрел на нее доброжелательно, когда она вошла в зал провинциального суда Севильи.

Отец однажды сказал ей: «Храни достоинство до последнего».

— Да, — твердо кивает она и прячет руки, чтобы не было видно, как они дрожат.

Председатель ищет в папке последний документ в деле, тот, что содержит заключение, которого Лали столько ждала. Найдя нужную бумагу, он затягивается сигаретой и начинает читать. Его голос звучит, как, наверное, звучал голос Бога, когда тот обращался к избранному народу.

— Итак. Рассмотрев по существу предъявленные обвинения и представленное учительницей ходатайство, все-сторонне изучив материалы дела и дополнительные сведения, полученные всеми доступными настоящей комиссии средствами, мы выносим следующее решение по делу учительницы Эулалии Моралес Рóман: единогласно предлагается признать недействительным ее диплом учителя, выданный Нормальной школой Севильи, и лишить ее права вести преподавательскую деятельность.

Время останавливается на вдохе.

Не может быть.

У нее подкашиваются колени. Дрожь поднимается к бедрам, потом вверх по спине.

Она надеялась.

Она всеми силами старается устоять на ногах, сдержать этот поток.

Нет. Нет.

— Ответчик может подать апелляцию в Высшую комиссию по делам о чистке в течение десяти рабочих дней, — продолжает председатель.

Но Лали этого уже не слышит.

— Вам все понятно, сеньорита?

Через несколько секунд она кивает, обессиленно вздрогнув. Она видит, как председатель закрывает папку и откладывает ее в сторону лицом вниз.

Лали смотрит на нее. Как будто лицом вниз положили еще и ее саму. И она будет так лежать много лет.

— Не тратьте время на апелляцию, Эулалия, — вдруг говорит тот, что справа. — Мадридская Высшая комиссия ни разу еще не отменяла решение провинциальной комиссии.

Сигаретный дым по-прежнему пляшет между ними, невесомый, вызывающий.

— Займитесь своей жизнью. Вы же недавно вышли замуж, верно? — уточняет тот, что слева. Он встает и указывает ей на дверь. — Рожайте детей, позаботьтесь о том, чтобы наставлять их в вере. Так вы сможете искупить свою вину.

Вину. Лали до сих пор не понимает, в чем ее вина, какой грех она совершила.

И она больше не может сдерживаться. Ее ноги словно приросли к полу.

— Это несправедливо! — выкрикивает она. В висках пульсирует кровь, вены вздулись.

Но она еще долго не узнает ответов. Что она сделала? Почему именно она?

— Вы должны быть благодарны, сеньорита, что Испания дает вам возможность начать новую жизнь без преподавательской деятельности, — упрекает ее председатель и досадливо машет рукой в сторону выхода.

Да, она займется своей жизнью; будет примерной супругой, родит детей, станет ходить на мессу в двенадцать часов и танцевать по вечерам на празднике Святой Анны и на апрельской ярмарке.

— Не всем так повезло, как вам, — добавляет он.

Пройдет больше тридцати лет, прежде чем она попытается вернуть то, чего ее лишили.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Замена

Севиля, апрель 1972 года

Лали всегда это знала. Учить — все равно что разводить огонь.

— Представь себе, Рейита, — говорит она девочке, лукаво подмигнув, — что математика — это вкусный шоколадный торт.

Маленькая Рейес поднимает глаза от тетрадки на спирали и смотрит на учительницу, морща лоб. Потом несколько секунд раздумывает над этим странным сравнением, но в конце концов сдается.

— Как это — торт, сеньо?

Лали кивает. «Торт, — тихонько повторяет девочка, — шоколадный торт». Будто все станет понятно, если она почувствует вкус этого слова на кончике языка, похрустит им, словно карамелью. Но она только вздыхает и добавляет:

— Сеньо, если честно, я не понимаю, как это.

Девочка так обращается к Лали, «сеньо», хотя Лали на самом деле не ее учительница — просто начала несколько дней назад помогать ей после обеда с уроками, которые задают в строгой частной школе.

— Мне дали о вас хорошие рекомендации, — сказала ей Эстер, мать Рейес, отвергнув нескольких кандидатов.

Лали кивнула женщине — высокий пучок, золото, виднеющееся в скромном вырезе платья, дворянская фамилия, — полагая, что Эстер, по-видимому, говорила с Марипили, матерью того мальчика, который благодаря Лали чудесным образом не остался на второй год в восьмом классе.

— Моя Рейес очень умная, — продолжала мать, глядя девочку по голове. — Но она отвлекается и витает в облаках. К тому же у нее недавно было первое причастие, и она в последнее время немного нервная. Сами понимаете, дети.

Да, Лали прекрасно понимала, что такое дети и как найти подход к их уму, где порой, кажется, скрывается Лабиринт с голодным Минотавром.

Эстер похвасталась:

— Она у нас на врача пойдет, знаете ли. Но у нее трудности с математикой.

При слове «математика» Рейес на секунду скорчила гримасу, которую успела заметить только Лали. Девочка была в школьной форме с клетчатой юбкой, на шее висел крестик, а забавные хвостики были идеально ровно перевязаны бантиками.

— Значит, хочешь стать доктором, да, Рейита? — спросила ее Лали.

Девочка подняла взгляд, невинный и бесхитростный, который, как у каждого ребенка, скрывает тайну человечества.

— Да, сеньо, — ответила она робко, после того как мать ее подтолкнула.

Женщины рассмеялись, услышав это спонтанное «сеньо», и, возможно, поэтому мать оставила без внимания, что Лали, не спросив, уместно ли это, назвала ее дочь

уменьшительным именем, больше подходящим маленькой цыганке из района Триана.

— Ну что ж, вот и договорились, — заключила Эстер, наконец убежденная. — Когда вы сможете приступить, Эулалия?

Сейчас, в классной комнате маленькой Рейес, Лали отодвигает в сторону тетрадь с задачами и примерами, выведенными красивым каллиграфическим почерком выпускницы католической школы, и просит девочку встать из-за стола.

— Оставь пока тетрадку, карандаш и ластик, Рейита. Пойдем со мной.

Рейес удивленно смотрит на нее. Лали берет ее за руку и ведет к выходу из классной комнаты. Они проходят по длинному коридору на кухню.

Как обычно, днем больше никого нет дома.

— У нас что, будет полдник, сеньо? — с любопытством спрашивает Рейес. — Мама мне не разрешает перебивать аппетит.

Лали открывает холодильник и рассматривает полки.

— У вас есть шоколад?

Через несколько секунд она восклицает: «Ага!» — и достает из холодильника хрустальную вазочку, в которой лежит несколько торрих*, видимо, оставшихся от вчерашнего десерта.

— Торрихи тоже подойдут.

* Торриха — десерт из хлеба, замоченного в молоке с сахаром и пряностями и затем обжаренного. Традиционно готовится в дни Великого поста. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Рейес смотрит на вазочку с волнением человека, который собирается совершить нечто запретное. Мама дает ей по маленькому кусочку торрихи за раз, да и то только потому, что сейчас Великий пост.

— Мы будем есть торрихи?

Учительница снова смотрит на нее с озорной улыбкой, с детской веселостью, неподобающей, неуместной или по крайней мере неожиданной для шестидесятилетней женщины.

— Если ты не проболтаешься маме, я тоже ей не скажу. Договорились? — спрашивает она девочку, доставая с полок тарелки и приборы.

Рейес кивает, хотя и не понимает, почему учительница предлагает ей этот странный уговор.

— Но сперва давай-ка я тебе объясню, что такое математика на самом деле, хорошо?

Лали снимает хрустальную крышку с вазочки, выпуская наружу ароматы корицы и меда, аккуратно подцепляет вилкой одну торриху и кладет на тарелку.

Кажется, что она имеет дело с каким-то опасным химическим реагентом, а не с десертом.

— Как я тебе уже говорила, Рейита, нужно просто представить, что математика — это вкусная торриха. Посмотри на нее хорошенько. Чтобы она у нас получилась вот такой нежной и мягкой, надо смешивать ингредиенты строго по рецепту. Так вот, числа в математике — как ингредиенты нашей торрихи. Ну, ты знаешь, хлеб, молоко, сахар, корица... Когда мы их складываем и вычитаем, умножаем или делим, от наших действий зависит, получится торриха помягче или пожестче и какая будет на вкус. Тебе понятно, солнышко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru